

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2021.131.10.084-094

А. Е. Сеньшин*

Понятие и признаки предпринимательской группы как особого субъекта правоотношений несостоятельности (банкротства)

Аннотация. Для современного имущественного оборота характерно наличие большого количества интеграционных объединений хозяйствующих субъектов и существование между ними отношений экономической зависимости. Вместе с тем в российском праве не определен правовой статус таких объединений ввиду господства в нем традиционного цивилистического подхода, который предполагает юридическую независимость каждого участника предпринимательской деятельности. В свою очередь, это приводит к существенным нарушениям прав кредиторов таких взаимосвязанных лиц. Особенно ярко это проявляется в правоотношениях несостоятельности (банкротства), где сталкиваются противоположные интересы сторон. Более того, несостоятельность одного участника объединения может привести к несостоятельности всего объединения в целом. Целью настоящего исследования является анализ особенностей такой новой правовой категории в законодательстве о несостоятельности, как предпринимательская группа. В статье исследованы нормы российского права, регулирующие отношения экономической зависимости между субъектами имущественных отношений, и основные доктринальные подходы к данной проблеме. Рассмотрены различные подходы к определению легальной дефиниции предпринимательской группы в других правовых системах и выявлены характерные признаки этой правовой категории. Сделан вывод об отсутствии системного подхода в российской правовой системе к пониманию форм экономической зависимости между субъектами имущественного оборота. Дано новое понятие предпринимательской группы и обоснована необходимость его внедрения в Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Ключевые слова: предпринимательская группа; экономическая зависимость; правоотношения несостоятельности (банкротства); хозяйствующие субъекты; единая экономическая политика; предпринимательское объединение; группа компаний; холдинг; контролирующее лицо; принцип функционального единства; специальная правосубъектность; связанные лица.

Для цитирования: Сеньшин А. Е. Понятие и признаки предпринимательской группы как особого субъекта правоотношений несостоятельности (банкротства) // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 10. — С. 084–094. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.131.10.084-094.

© Сеньшин А. Е., 2021

* Сеньшин Александр Евгеньевич, аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
sanya.senshin@mail.ru

The Concept and Characteristics of an Entrepreneurial Group as a Special Subject of Legal Relationship of Insolvency (Bankruptcy)

Aleksandr E. Senshin, Postgraduate Student, Department of Entrepreneurial and Corporate Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
sanya.senshin@mail.ru

Abstract. The modern property turnover is characterized by the presence of a large number of integration associations of economic entities and the existence of relations of economic dependence between them. At the same time, the legal status of such associations is not defined in Russian law due to the dominance of the traditional civilistic approach that presupposes the legal independence of each participant in entrepreneurial activity. In turn, this leads to significant violations of the rights of creditors of such interconnected persons. This is especially evident in the legal relationship of insolvency (bankruptcy), where opposing interests of the parties collide. Moreover, the insolvency of one member of the association may lead to the insolvency of the entire association as a whole. The purpose of this study is to analyze the characteristics of such a new legal category in insolvency law as an entrepreneurial group. The paper examines the rules of Russian law governing the relations of economic dependence between the subjects of property relations, and the main doctrinal approaches to this problem. The paper examines various approaches to the legal definition of an entrepreneurial group in other legal orders and highlights the characteristic features of this legal category. The conclusion is made about the absence of a systematic approach in the Russian legal system to understanding the forms of economic dependence between the participants of property turnover. The author provides a new concept of an entrepreneurial group and explains the necessity of its introduction into the Federal Law of 26.10.2002 No. 127-FZ "On Insolvency (Bankruptcy)".

Keywords: entrepreneurial group; economic dependence; legal relations of insolvency (bankruptcy); business entities; unified economic policy; business association; company group; holding; controlling person; the principle of functional unity; special legal personality; related persons.

Cite as: Senshin AE. Ponyatie i priznaki predprinimatelskoy gruppy kak osobogo subekta pravootnosheniy nesostoyatelnosti (bankrotstva) [The Concept and Characteristics of an Entrepreneurial Group as a Special Subject of Legal Relationship of Insolvency (Bankruptcy)]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2021;16(10):84-94. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.131.10.084-094. (In Russ., abstract in Eng.).

В настоящее время характерной особенностью имущественного оборота является ускоренное развитие интеграционных процессов, происходящих между обособленными хозяйственными субъектами. В результате этого появилось большое количество объединений коммерческих организаций, которые оказывают ощутимое воздействие на всю экономику в целом. Такие объединения имеют ряд значимых преимуществ для своих владельцев среди других форм осуществления предпринимательской деятельности, поскольку позволяют в короткий срок привлекать крупный капитал для реализации тех или иных проектов, повышать рентабельность производства товаров и снижать издержки их производства. Широкая

распространенность объединений коммерческих организаций позволяет говорить о том, что в огромном числе случаев субъекты предпринимательских отношений больше не являются экономически самостоятельными единицами и их воля зачастую формируется извне.

Несмотря на широкую распространенность таких объединений, их правовой статус остается неопределенным. Это объясняется тем, что признание факта экономической зависимости среди субъектов имущественного оборота противоречит главному принципу, на котором основывается все гражданское законодательство, — принципу равенства его субъектов. По верному замечанию известного советского правоведа М. И. Кулагина, «ставится под сомне-

ние и традиционное определение гражданского права как совокупности норм, регулирующих имущественные отношения, складывающиеся по горизонтали между равноправными участниками товарного оборота»¹. Этим обстоятельством и объясняется нежелание законодателя вводить новую правовую категорию в отрасль гражданского права, регулиующую отношения экономической зависимости.

Вместе с тем существуют области общественной жизни, в которых такой подход является недопустимым, и полное игнорирование существующих форм ведения бизнеса чревато формированием серых зон в сфере предпринимательства. Особенно заметно это в делах о несостоятельности (банкротстве), где сталкиваются противоположные интересы участников. Действующий Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»² не наделяет группу компаний свойством конкурентоспособности и использует презумпцию «один должник — одна процедура», являющуюся отражением принципа автономности в гражданском праве. Такой подход может не учитывать тот факт, что зачастую банкротство одного участника группы компаний приводит к банкротству всей группы в целом ввиду их тесной взаимосвязанности. Более того, отсутствие в российском законодательстве о несостоятельности норм, регулирующих правовой статус объединений коммерческих организаций, негативно сказывается в сфере защиты прав их кредиторов, поскольку доктрина автономности участников гражданского оборота позволяет

уходить от ответственности конечным бенефициарам такой формы бизнеса.

О неэффективности существующего подхода свидетельствует и то, что большинство дел о банкротстве, как правило, заканчивается ликвидацией предприятия, а кредиторы при этом получают ничтожно малую сумму своих требований, что, в свою очередь, может также стать предпосылкой их последующего банкротства. Причина этого кроется в недостаточности конкурсной массы должника. Имеющиеся механизмы борьбы с уходом от ответственности реальных владельцев бизнеса, в число которых входят традиционно используемые оспаривание сделок (действий) должника и привлечение контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, проблему не решают, поскольку процент удовлетворения требований кредиторов имеет тенденцию к снижению (в 2015 г. составил 6,2 %, в 2019 г. — 4,7 %) ³.

В некоторых странах указанные проблемы были решены с помощью признания предпринимательской группы в качестве субъекта правоотношений несостоятельности (банкротства). Так, в 2010 г. V Рабочей группой Комиссии ООН по праву международной торговли была выработана третья часть Руководства для законодательных органов⁴, посвященная вопросам несостоятельности предпринимательских групп. В 2019 г. этой же рабочей группой был составлен Типовой закон о несостоятельности предпринимательских групп⁵ (далее — Типовой закон ЮНСИТРАЛ).

Несмотря на то что факт существования предпринимательских групп всё чаще призна-

¹ Кулагин М. И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо : монография. М., 1987. С. 18.

² Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 20.04.2021) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

³ Банкротства компаний — статистика Федресурса за 2019 год // URL: <https://fedresurs.ru/news/7b3c8884-b159-4ee7-b5fb-7770d9d941da> (дата обращения: 15.06.2021).

⁴ Руководство ЮНСИТРАЛ для законодательных органов по вопросам законодательства о несостоятельности. Часть третья : Режим предпринимательских групп при несостоятельности // URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/leg-guide-insol-part3-ebook-r.pdf> (дата обращения: 13.06.2021).

⁵ Типовой закон ЮНСИТРАЛ о несостоятельности предпринимательских групп и Руководство по его принятию // URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/19_11348_mloegi_ru.pdf (дата обращения: 14.06.2021).

ется в законодательстве и в судебной практике различных стран, до настоящего времени нет единого понимания таких групп. В основном регулирование подобных групп осуществляется на основе разрозненных законодательных норм; вопросы, касающиеся их деятельности, могут решаться совершенно по-разному даже в рамках одной правовой системы. Такая ситуация свойственна правовой системе современной России, для которой характерно отсутствие системности в регулировании отношений зависимости между участниками имущественных отношений. В российском законодательстве понятие предпринимательской группы не используется, однако существует достаточно большое количество норм, учитывающих экономическую взаимозависимость между субъектами права. Так, для каждой отрасли законодательства существует собственный понятийный аппарат, предопределенный конкретными задачами, которые ставит перед собой то или иное отраслевое законодательство. В частности, к ним относятся понятия «аффилированные лица» (ст. 4 Закона РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»⁶), «группа лиц» (ст. 9 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»⁷) и «взаимозависимые лица» (ст. 20 Налогового кодекса РФ⁸). Более того, специальные положения предусмотрены в банковском (банковские холдинги и группы — ст. 4 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской

деятельности»⁹) и инвестиционном законодательстве (аффилированные лица — Федеральный закон от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах»¹⁰).

Сказанное свидетельствует о том, что российский законодатель использует дифференцированный подход к регулированию отношений зависимости между хозяйствующими субъектами: аффилированные лица расцениваются как категория корпоративного права; категория «группа лиц» используется только в антимонопольном праве; «взаимозависимые лица» — категория налогового права. Такое разнообразие норм, регулирующих экономическую зависимость между субъектами, критикуется в юридической науке, и всё чаще высказываются мнения о необходимости создания единой системы, опирающейся на единую категорию, которая бы уточнялась в зависимости от целей того или иного законодательства¹¹.

Вместе с тем также высказываются мнения о том, что наличие разнообразного понятийного аппарата, хотя и относящегося к сходным правоотношениям, позволяет более эффективно регулировать те или иные отрасли законодательства¹².

Ввиду запутанности действующего законодательства, в российской правовой доктрине также отсутствует единое понимание отношений зависимости между хозяйствующими субъектами. Так, для обозначения правоотношений между субъектами интеграционного объединения ученые используют различные катего-

⁶ Закон РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» (ред. от 26.07.2006) // Бюллетень нормативных актов. 1992. № 2-3.

⁷ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 17.02.2021) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3434.

⁸ Налоговый кодекс РФ (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 20.04.2021) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

⁹ Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (ред. от 30.12.2020) // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

¹⁰ Федеральный закон от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» (ред. от 20.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2021) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4562.

¹¹ Сергеев А. Г. Гражданско-правовое положение аффилированных, взаимозависимых лиц и групп лиц : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 154–155.

¹² Егорова М. А. Институциональная принадлежность категорий «группа лиц» и «аффилированные лица» // Юрист. 2013. № 11. С. 32–36.

рии, такие как «связанные лица»¹³, «холдинг»¹⁴, «корпоративное объединение»¹⁵, «объединение хозяйствующих субъектов»¹⁶. Наиболее общепринятым понятием для взаимозависимых субъектов предпринимательской деятельности является понятие предпринимательского объединения. Хотя данный термин и не закреплен в действующем законодательстве, существует множество научных работ, посвященных характерным признакам и формам данной правовой категории¹⁷.

Учитывая такое разнообразие в понимании форм экономической зависимости, еще более актуальной становится задача по формулированию признаков и понятия предпринимательской группы, что позволит определить место данной правовой категории в российской правовой системе.

Так, в п. 27–29 названного выше Руководства ЮНСИТРАЛ отмечается, что существует две основные концепции понимания предпринимательской группы, выбор между которыми является основополагающим для формирования соответствующей правовой категории:

- концепция собственности — используется критерий владения в прямой или косвенной форме определенной долей капитала;
- концепция контроля или влияния (прямого или косвенного) — используется критерий наличия контролирующего или решающего влияния на хозяйственную деятельность и процесс принятия решений.

Первая концепция характеризуется высокой степенью определенности, однако не всегда

может учитывать реальные взаимоотношения. Бесспорно, что в современном имущественном обороте один участник может формировать волю другого участника, имея при этом незначительную долю капитала или посредством иных инструментов (договор, аналогичные коллегиальные или единоличные органы управления и т.д.). Вторая концепция не содержит строгого критерия, позволяя в каждом деле проводить оценку фактических обстоятельств наличия или отсутствия признаков предпринимательской группы. Вместе с тем нельзя не отметить, что данная концепция вносит правовую неопределенность в имущественный оборот.

Ввиду изложенного, в п. b ст. 2 Типового закона ЮНСИТРАЛ сформулировано достаточно расплывчатое понятие предпринимательской группы, под которой подразумевается «два или несколько предприятий, которые связаны между собой отношениями контроля или существенными отношениями собственности». Таким образом, в этом легальном определении даны две концепции понимания предпринимательской группы — концепция контроля и концепция собственности. Выбор между ними осуществляется каждым государством исходя из особенностей его правовой системы, чем и объясняется расплывчатость понятия предпринимательской группы в Типовом законе ЮНСИТРАЛ. Однако из изложенного можно сделать вывод, что характерной особенностью предпринимательской группы является наличие отношений контроля одного лица над другим.

¹³ Анисимов А. В. Сравнительно-правовой анализ форм зависимости хозяйствующих субъектов в Российской Федерации и Федеральной Республике Германия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 163.

¹⁴ Шиткина И. С. Холдинги: правовое регулирование экономической зависимости. Управление в группах компаний. М. : Волтерс Клувер, 2008. С. 11–12.

¹⁵ Михайлов Н. И. Особенности правового механизма в формировании и деятельности корпоративных объединений // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». 2010. № 3. С. 33–35.

¹⁶ Спиридонова А. В. Объединения хозяйствующих субъектов: гражданско-правовое и антимонопольное регулирование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. С. 9–10.

¹⁷ Лаптев В. А. Правосубъектность предпринимательских объединений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 44–45 ; Кузнецов К. И. Предпринимательские объединения России и Германии // Право и экономика. 2018. № 3. С. 32–40.

Несколько иное понятие предпринимательской группы было дано в Регламенте Европейского Союза № 2015/848¹⁸ о производстве по делам несостоятельности. Здесь используется другая категория — группа компаний. Так, под группой компаний понимается материнская компания, а также все ее дочерние и зависимые компании. Таким образом, в Регламенте ЕС предпринимательская группа фактически отождествлена с понятием холдинга в его российском понимании.

Следует отметить, что некоторые государства уже внедрили указанное понятие в свое законодательство. В этом отношении необходимо отметить опыт в США, который базируется на применении в делах о несостоятельности предпринимательской группы такого инструмента, как материальная консолидация (*substantive consolidation*). При применении данного инструмента активы и пассивы участников предпринимательской группы объединяются в единую конкурсную массу. Огромный вклад в изучение инструмента материальной консолидации внесла работа Л. Е. Семиковой¹⁹. Следует также отметить, что в банкротном законодательстве США отсутствует дефиниция предпринимательской группы, поскольку в каждом конкретном деле суд на основе фактических обстоятельств определяет, имеет ли место факт существования предпринимательской группы.

Иной подход обнаруживается при изучении правового опыта Германии, изучению которого посвящена статья Т. П. Шишмаревой²⁰. Необходимо отметить, что для регулирования отношений экономической зависимости меж-

ду субъектами корпоративное законодательство ФРГ использует конструкцию «связанные предприятия» (*verbundene Unternehmen*) и закрепляет закрытый перечень форм таких предприятий²¹. Вместе с тем Т. П. Шишмарева отмечает, что «...в законодательстве о несостоятельности не воспринято понятие концерна из § 18 Закона об АО (*Aktiengesetz*), а введено понятие должника в виде предпринимательской группы»²². Поэтому в 2017 г. *Insolvenzordnung*²³ был дополнен § 3а–3е, в которых был закреплён правовой статус предпринимательской группы (*Unternehmensgruppe*) в качестве субъекта правоотношений несостоятельности (банкротства). Так, абзац 1 § 3е *Insolvenzordnung* предусматривал, что предпринимательская группа состоит из юридически самостоятельных предприятий, которые осуществляют свою деятельность преимущественно внутри страны и прямо или косвенно связаны между собой посредством доминирующего контроля или через единое руководство. В абзаце 2 § 3е *Insolvenzordnung* в качестве предпринимательской группы по смыслу абз. 1 понимается также общество и его учредители (участники) при определенных условиях, если между ними имеется взаимосвязь. Таким образом, в немецкой доктрине осуществление доминирующего контроля и осуществление деятельности под единым руководством являлись главными признаками предпринимательской группы.

В России была предпринята аналогичная попытка признания предпринимательской группы в качестве субъекта правоотношений несостоятельности (банкротства), результатом чего стал

¹⁸ Regulation (EU) 2015/848 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2015 on insolvency proceedings // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A32015R0848> (дата обращения: 14.06.2021).

¹⁹ Семикова Л. Е. Институт *substantive consolidation* в США как модель материальной консолидации в банкротстве // Вестник гражданского права. 2011. № 1. С. 160–198.

²⁰ Шишмарева Т. П. Предпринимательская группа как субъект несостоятельности в России и Германии // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России : кол. монография : в 4 т. / отв. ред. С. Д. Могилевский [и др.]. М., 2020. Т. 1. С. 588–595.

²¹ Шишмарева Т. П. Указ. соч. С. 589–590.

²² Шишмарева Т. П. Указ. соч. С. 590.

²³ *Insolvenzordnung* (InsO) vom 5. Oktober 1994 // BGBl. I. S. 2866. FNA 311-12.

законопроект, разработанный Минэкономразвития России в 2011 г.²⁴ (далее — Проект). Несмотря на то что данный Проект так и не был внесен на рассмотрение в ГД ФС РФ, он ценен для изучения с теоретической и практической точек зрения. В пункте 1 ст. 230.1 указанного Проекта содержалось понятие предпринимательской группы, в соответствии с которым она представляла собой совокупность двух или более взаимозависимых юридических лиц, которые в продолжение не менее чем одного года до возбуждения дела о банкротстве предпринимательской группы были подконтрольны одному контролирующему лицу — члену этой предпринимательской группы и в течение указанного периода осуществляли свою основную деятельность под централизованным управлением контролирующего лица на основе единых управленческих, производственных и (или) технологических процессов.

С. А. Карелина провела детальный анализ понятия предпринимательской группы, предложенного Проектом, и выявила ее следующие основные признаки:

- существование отношений зависимости между участниками предпринимательской группы;
- связанность участников предпринимательской группы производственными, управленческими и иными процессами;
- осуществление предпринимательской деятельности, направленной на производство, хранение и транспортировку одного вида продукции²⁵.

Похожие признаки выделяет Е. Д. Суворов, придавая особое значение признаку «функционального единства», поскольку именно такой

критерий позволяет отличить предпринимательскую группу от лиц, связанных общими владельцами, но ведущими различный бизнес²⁶.

Учитывая вышеизложенное, можно сформулировать основные признаки предпринимательской группы как субъекта правоотношений несостоятельности (банкротства) и дать понятие данной правовой категории. Так, основными признаками предпринимательской группы являются:

- 1) объединение юридических лиц и (или) индивидуальных предпринимателей, осуществляющих предпринимательскую деятельность;
- 2) наличие внутренних отношений контроля и зависимости между контролирующим лицом и другими участниками предпринимательской группы;
- 3) предпринимательская группа является субъектом законодательства о банкротстве и обладает специальной правосубъектностью;
- 4) функциональное единство участников предпринимательской группы (все участники должны быть заняты в одной отрасли бизнеса, т.е. должны осуществлять производство, хранение, поставку, транспортировку и реализацию одного вида продукции);
- 5) единая экономическая политика.

Выявив основные признаки, можно сформулировать дефиницию предпринимательской группы — это объединение юридических лиц и (или) индивидуальных предпринимателей, между которыми существуют отношения контроля и зависимости в рамках осуществления предпринимательской деятельности, являющееся субъектом правоотношений несостоятельности (банкротства) и реализующее единую экономическую политику на основе функцио-

²⁴ Проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления особенностей банкротства предпринимательских групп» (подготовлен Минэкономразвития России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 04.04.2011) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ Карелина С. А. Развитие законодательства о несостоятельности (банкротстве) предпринимательской группы // Право и бизнес в условиях экономического кризиса: опыт России и Германии : сборник статей / отв. ред. Е. П. Губин, Е. Б. Лаутс. М. : Юрист, 2010. С. 87–96.

²⁶ Суворов Е. Д. Требования связанных с должником лиц в деле о его банкротстве: от объективного к субъективному вменению // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 4. С. 130–161 ; № 5. С. 53–107.

нального единства (единые управленческие, производственные и (или) технологические процессы).

Таким образом, действующий Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» нуждается в преобразованиях, связанных с возможностью признания предпринимательской группы в качестве субъекта правоотноше-

ний несостоятельности (банкротства). Это, в свою очередь, поможет значительно повысить размер конкурсной массы и процент удовлетворения требований кредиторов, а также пресечь различного рода злоупотребления с использованием традиционного принципа автономности и обособленности юридического лица.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Анисимов А. В. Сравнительно-правовой анализ форм зависимости хозяйствующих субъектов в Российской Федерации и Федеральной Республике Германия : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2010. — 213 с.
2. Егорова М. А. Институциональная принадлежность категорий «группа лиц» и «аффилированные лица» // Юрист. — 2013. — № 11. — С. 32–36.
3. Карелина С. А. Развитие законодательства о несостоятельности (банкротстве) предпринимательской группы // Право и бизнес в условиях экономического кризиса: опыт России и Германии : сборник статей / отв. ред. Е. П. Губин, Е. Б. Лаутс. — М. : Юрист, 2010. — С. 87–96.
4. Кузнецов К. И. Предпринимательские объединения России и Германии // Право и экономика. — 2018. — № 3. — С. 32–40.
5. Кулагин М. И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо : монография. — М., 1987. — 176 с.
6. Лаптев В. А. Правосубъектность предпринимательских объединений : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2005. — 162 с.
7. Михайлов Н. И. Особенности правового механизма в формировании и деятельности корпоративных объединений // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». — 2010. — № 3. — С. 33–35.
8. Семикова Л. Е. Институт substantive consolidation в США как модель материальной консолидации в банкротстве // Вестник гражданского права. — 2011. — № 1. — С. 160–198.
9. Сергеев А. Г. Гражданско-правовое положение аффилированных, взаимозависимых лиц и групп лиц : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2010. — 179 с.
10. Спиридонова А. В. Объединения хозяйствующих субъектов: гражданско-правовое и антимонопольное регулирование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2007. — 21 с.
11. Суворов Е. Д. Требования связанных с должником лиц в деле о его банкротстве: от объективного к субъективному вменению // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2019. — № 4. — С. 130–161 ; № 5. — С. 53–107.
12. Шиткина И. С. Холдинги: правовое регулирование экономической зависимости. Управление в группах компаний. — М. : Волтерс Клувер, 2008. — 518 с.
13. Шишмарева Т. П. Предпринимательская группа как субъект несостоятельности в России и Германии // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России : кол. монография : в 4 т. / отв. ред. С. Д. Могилевский [и др.]. — М., 2020. — Т. 1. — С. 588–595.

Материал поступил в редакцию 8 июля 2021 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Anisimov A. V. Sravnitel'no-pravovoj analiz form zavisimosti hozyajstvuyushchih sub"ektov v Rossijskoj Federacii i Federal'noj Respublike Germaniya : dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2010. — 213 s.
2. Egorova M. A. Institucional'naya prinaldlezhnost' kategorij «gruppa lic» i «affilirovannye lica» // Yurist. — 2013. — № 11. — S. 32–36.
3. Karelina S. A. Razvitie zakonodatel'stva o nesostoyatel'nosti (bankrotstve) predprinimatel'skoj gruppy // Pravo i biznes v usloviyah ekonomicheskogo krizisa: opyt Rossii i Germanii : sbornik statej / otv. red. E. P. Gubin, E. B. Lauts. — M. : Yurist, 2010. — S. 87–96.
4. Kuznecov K. I. Predprinimatel'skie ob"edineniya Rossii i Germanii // Pravo i ekonomika. — 2018. — № 3. — S. 32–40.
5. Kulagin M. I. Gosudarstvenno-monopolisticheskij kapitalizm i yuridicheskoe lico : monografiya. — M., 1987. — 176 s.
6. Laptev V. A. Pravosub"ektnost' predprinimatel'skih ob"edinenij : dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2005. — 162 s.
7. Mihajlov N. I. Osobennosti pravovogo mekhanizma v formirovanii i deyatel'nosti korporativnyh ob"edinenij // Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie «Biznes i pravo v Rossii i za rubezhom». — 2010. — № 3. — S. 33–35.
8. Semikova L. E. Institut substantive consolidation v SShA kak model' material'noj konsolidacii v bankrotstve // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2011. — № 1. — S. 160–198.
9. Sergeev A. G. Grazhdansko-pravovoe polozhenie affilirovannyh, vzaimozavisimyh lic i grupp lic : dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2010. — 179 s.
10. Spiridonova A. V. Ob"edineniya hozyajstvuyushchih sub"ektov: grazhdansko-pravovoe i antimonopol'noe regulirovanie : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — Chelyabinsk, 2007. — 21 s.
11. Suvorov E. D. Trebovaniya svyazannyh s dolzhnikom lic v dele o ego bankrotstve: ot ob"ektivnogo k sub"ektivnomu vmeneniyu // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. — 2019. — № 4. — S. 130–161 ; № 5. — S. 53–107.
12. Shitkina I. S. Holdingi: pravovoe regulirovanie ekonomicheskoy zavisimosti. Upravlenie v gruppah kompanij. — M. : Volters Kluver, 2008. — 518 s.
13. Shishmareva T. P. Predprinimatel'skaya gruppa kak sub"ekt nesostoyatel'nosti v Rossii i Germanii // Pravo i biznes: pravovoe prostranstvo dlya razvitiya biznesa v Rossii : kol. monografiya : v 4 t. / otv. red. S. D. Mogilevskij [i dr.]. — M., 2020. — T. 1. — S. 588–595.